

— Защита Аллочки должна была состояться в старом здании НИФИ, расположенном во дворе главного корпуса ЛГУ (12 коллегий), в 317-й аудитории, той самой, по-моему, в которой защищал свою кандидатскую диссертацию Славик Ляцкий. Физфак в основном уже переехал в Петергоф, там же были построены и новые корпуса НИФИ, однако и в старом ещё теплилась какая-то жизнь: ленинградцы, как могли, цеплялись за старое здание, не спеша начинать новую жизнь далеко за городом, добираться куда многим надо было около двух часов. Кафедра Макарова - радиофизики, например, заняв новые помещения в Петергофе, сохранила и старые, где сотрудники бывали на работе чаще, чем в Петергофе. Ремонта в старом здании НИФИ не делалось уже много лет, всё ободрано, обшарпано и, кажется, вот-вот рухнет. Битый кирпич кое-где в коридорах даже валяется, оборванная проводка висит, - следы выезда лабораторий, с мясом выдиравшихся из старого корпуса.

— На Аллочкину защиту явилась почти вся наша кафедра (благо в Петергоф не надо ехать), многие из членов которой входили в Учёный Совет: Молочнов - председатель (в отсутствие Макарова), Аида Андреевна, Линьков (профессор теперь!), Яновская, Пудовкин, Распопов. Распопов, впрочем, уже не член кафедры, а директор (!) ПГИ вместо ушедшего на пенсию Исаева, и Борис Евгеньевич у него заместителем. Сказал бы кто нам со Славиком об этом лет десять назад - ни за что бы не поверили! Тут и Металлова, и Гасаненко, и Кошелевский, Копытенко, Киселёв, Шумилов, Лариска Зеленкова и Свет Санна, и проч., и проч. Давненько я не видел их всех вместе - со времени своей защиты, восемь лет, значит. Все приветливы со мной, помнят ещё, спрашивают про Сашеньку, про Гострема, о котором много наслышаны.

— К моему удивлению, нет Славика, нет и научного руководителя диссертантки - Бориса Евгеньевича, людей, которых мне больше всего хотелось бы увидеть, помимо Лариски и Аллочки.

— А что Славик не приехал? - спрашиваю Аллочку.

— Остался с детьми.

— А что же ты маму не пригласила на это время?

— Я знал, что Аллочкина мама, а то и тётя, часто живут у них в Апатитах, и на такое событие - защиту Аллочки могли бы отпустить Славика: обычно на все конференции они с Аллочкой вдвоём ездили.

— Мама не смогла.

— А Борис Евгеньевич?

— Его Распопов не отпустил - нельзя же, говорит, институт без начальства оставлять. Он ведь сам сюда поехал.

— А как у Славика дела с докторской?

— Написал уже и в институте представил, теперь её Пудовкин изучает - он оппонентом у Славы будет. Скоро монография Славина выйдет. Так что у него всё хорошо.

— Ну, я очень рад. Надеюсь, что и у тебя сейчас всё пройдет отлично.

— Посмотрим.

— Защита у Аллочки прошла очень гладко. Да и трудно было бы придраться к её работе, разве что к большому вкладу Славика и Юры - её соавторов по большинству публикаций. Конечно, их лидерство в совместных с Аллочкой работах было несомненным, хотя сами они считали Аллочку полноправным членом своей группы, особенно сильным в расчётах. Однако в диссертации Аллочки имелась и совершенно самостоятельно выполненная объёмистая часть - модель проводимости полярной ионосферы.

— Первым оппонентом (доктором наук) у Аллочки был Михаил Иванович Пудовкин. Он свой отзыв не зачитывал, а сымпровизировал что-то вроде поэмы, впрочем, слегка затянутой, чем утомил публику, не настроенную столь лирически. Я свой отзыв оттарабанил по бумажке, но с выражением, чётко и быстро. Это публике понравилось. От

ведущей организации (ААНИИ) зачитал отзыв Олег Шумилов (и почему-то на меня сослался: - Я, как и предыдущий оратор, свой отзыв зачитаю, как и положено...). Отзывы все были сугубо положительными, без существенных замечаний. Вопросы к Аллочке какие-то задавали проформы ради, но немного. Проголосовали единогласно.

— Вторым на этом же совете защищался Саша Франк-Каменецкий, тоже выпускник нашей кафедры, кончал через год или два после меня, кажется, одновременно с Чмырёвым и Мальцевым. Теперь он работал в ААНИИ, а диссертацию делал под руководством Олега Шумилова. Пудовкин и у него был оппонентом, и опять лирику разводил. И здесь всё прошло благополучно, без чёрных шаров.

— После голосования и поздравлений Молочнов не распустил совет, а зачитал постановление Президиума ВАК "О порочной практике проведения банкетов после защит диссертаций" с примерами наказаний, которым были подвергнуты диссертанты, оппоненты и члены советов, участвовавшие в подобных безобразных мероприятиях. Выслушав грозные предостережения, большинство участников заседания отправилось на квартиру к Франк-Каменецкому, который вскладчину с Аллочкой организовал у себя... не банкет, разумеется, а так, посиделки, но выпить и закусить было предостаточно.

— Димуля появился на защите Аллочки вскоре после её начала. Как обычно, со всеми он держался вежливо-приветливо, но и запросто в то же время. Его как и меня потащили, конечно, к Франку. Димуля не отказывался, и пил там, и закусывал наравне с другими, и был очень весел. Сидели мы порознь - я между Аллочкой и экспансивной Антенной Семёновной Беспрозванной, Димулю атаковали Лариска Зеленкова и Люда Макарова. Стоял галдёж, дым коромыслом, и я довольно неожиданно набрался сверх меры, так что на ногах держался не совсем твёрдо. Димуля вёз меня к себе домой, бережно поддерживая как мешок с ёлочными игрушками.

— Всю дорогу мы над чем-то весело смеялись, как бывалоче в студенческие годы, а едва зашли в квартиру, как меня замутило, и я вынужден был склониться над раковиной в ванной комнате, в судорогах извергая из себя излишки принятого внутрь. Димуля и здесь меня не оставлял, поддерживал, чтобы я не свалился в ванну. Отблевавшись, я принял душ и ожил совершенно, весь хмель сошёл.

— Лёжа в постелях уже - я на диванчике, Дима на полу, мы продолжали болтать. Я рассказывал о своём последнем литературном впечатлении. Все читали в это время в "Новом Мире" Крона, "Бессонницу" (все - это Лебле и Кочемировские), взялся и я, но Крон на меня особого впечатления не произвёл, так себе, а вот документальная повесть (в основном, в письмах) о любви по переписке между молодой учительницей и уголовником буквально поразила меня.

— История вроде бы совершенно невероятная. Студентка пединститута в Ростове снимает комнату у одинокой женщины, сын которой сидит в тюрьме с пятнадцатилетнего возраста и будет сидеть ещё долго, схлопотав себе там, на месте, продление срока. Эта женщина прочитала как-то своей постоялице письмо от сына, в котором он клянёт мать и весь белый свет за свою несчастную судьбу. Студентка пишет ему ответ на это письмо, а он отвечает ей, и так завязывается переписка.

— Она с пионервожатовским энтузиазмом начинает его воспитывать, пытается удержать от отчаяния, рекомендует читать определённые книги, просит делиться впечатлениями. Он добросовестно отвечает на её письма, исполняет её просьбы, начинает учиться в вечерней школе. Они обмениваются фотокарточками и... объясняются в любви. Всё это, конечно, происходит не быстро, а в течение нескольких лет.

— Она едет к нему через весь Союз куда-то в Сибирь, в Якутию, что ли, где он сидит, и там они впервые знакомятся очно в комнате для свиданий с заключёнными. Она уезжает, а потом приезжает вновь и остаётся работать там в ближайшем к тюрьме или лагерю посёлке. Его иногда отпускают к ней на свидания. Они женятся. Она рождает ребёнка. Образцовым поведением он заслуживает некоторого сокращения срока, и его выпускают на поселение.

— Некоторое время они живут вместе нормальной семейной жизнью, сколько-то месяцев. И тут в посёлке появляется какая-то уголовная шпана, которая желает свести с ним счёты. Её в это время не было в посёлке, уехала в командировку. Не помню - почему, они нападают на соседа (или на него самого, а сосед вышел на помощь, и уголовники кинулись с ножом на соседа). Он срывает со стены ружьё и стреляет дробью по ногам нападавшим. Арестовывают всех участников этой схватки и всем дают срок, и ему дают довольно большой - как рецидивисту.

— Он опять за решёткой, опять в отчаянии, она едет в Москву обивать пороги всех инстанций с заверениями в невинности своего мужа. Кто-то послал её в "Литгазету", и там она познакомилась с журналисткой, которая помогла ей попасть к кому надо и добиться пересмотра дела, а впоследствии написала повесть об этой истории, а точнее, опубликовала их переписку и снабдила её поясняющими комментариями.

— Но бедолаге пришлось-таки отсидеть ещё года два с половиной, пока жена хлопотала об его освобождении. Они снова зажили вместе, и он даже закончил заочно институт. Правда, у него что-то случилось с глазами, и ей опять пришлось хлопотать, искать врачей, устраивать на лечение, но всё обошлось, и даже за это время они родили ещё одного ребёнка.

— Вот такая история. За декабристами жёны ехали в Сибирь - так это к своим родным мужьям, а тут молодая девушка едет в ту же Сибирь, чтобы выйти замуж за уголовника, с которым знакома только по письмам, и они любят друг друга, и создают семью, и преодолевают вместе всякие беды, которые на них так и валятся.

— Димуля слушал с явным интересом (просто вежливое внимание я бы отличил по его лицу) и разделил моё отношение к героине как к хоть и странной, но заслуживающей глубокого уважения, если не восхищения женщине.

— Перед засыпанием мы с Димулей на всякий случай попрощались - обратного билета у меня не было, я решил ехать прямо в аэропорт и брать билет на первый же рейс до Калининграда, если билеты будут. Задерживаться в Ленинграде мне было нельзя, так как в университете меня опять ждали студенты, теперь вечерники. Кочемировский уговорил меня прочесть курс механики для студентов вечернего отделения (без лабораторных занятий на условиях почасовой оплаты). Я согласился, так как теперь мне сделать это было гораздо легче, чем в предыдущем семестре, когда я впервые читал механику. Переносить же лекции у вечерников без крайней необходимости не следовало из-за уплотнённости их программы и практического отсутствия свободного времени.

— На прощание Димуля подарил мне свой опус "Церковь на её путях служения миру", написанный в качестве сочинения не помню уж по какому предмету, и экземпляр "Журнала Московской Патриархии", единственного журнала, выпускаемого русской православной церковью на свои средства. В этом номере есть интересная статья о крупном деятеле православной церкви, архиепископе Луке Войно-Ясенецком, он же выдающийся советский хирург, автор классических медицинских монографий "Очерки гнойной хирургии" и "Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов", лауреат Сталинской премии, присвоенной ему за эти труды (1946 г.), которую он почти полностью пожертвовал в пользу осиротевших детей.

— В конце журнала опубликованы правила приёма в семинарию и Академию, какие нужно сдавать вступительные экзамены. Чтобы поступить в семинарию, необходимо иметь среднее образование, уметь хорошо читать по церковнославянски, "от поступающих требуется твёрдое и осмысленное знание наизусть следующих молитв" и перечисляются 27 молитв. Кроме обычных документов при поступлении требуется представить рекомендацию епархиального архиерея или приходского священника и справку о крещении.

— "Для поступления на 1-й курс академии необходимо успешно выдержать приёмные испытания за полный курс духовной семинарии по следующим предметам" и перечисляются 17 предметов, в том числе ...10) общая церковная история; 11) история

Русской Церкви; 12) сектоведение; 13) церковнославянский язык; 14) греческий и латинский языки; 15) один из новых иностранных языков; 16) церковное пение; 17) Конституция СССР. "Всем учащимся предоставляется общежитие и стипендия".

— Что касается Димулиного сочинения на восьми машинописных страницах, то я приведу здесь лишь отрывочек, чтобы показать, в каком оно стиле.

— "... Обновление мира, составляющее самую сущность истории, происходило и во времена Ветхого Завета, как при тусклом свете доступного всем ЕСТЕСТВЕННОГО ОТКРОВЕНИЯ (Рим.1,19-26), так и под воздействием СЛОВА БОЖИЯ. Но "когда пришла полнота времён, и Бог послал Сына Своего, Который родился от Жены" (Гал.4,4), то процесс обновления мира получил импульс небывалой силы, поскольку в Лице Богочеловека, а затем и во многих Его истинных последователях, человечество увидело образ высшего нравственного совершенства. И хотя, в силу ряда причин, Светлый Лик Христов часто затемнялся случаями неискреннего и лицемерного восприятия христианского учения, а также прямого злоупотребления христианством, тем не менее всюду, даже там, где отрицают Христа, как Творца и Воссоздателя мира, чувствуется могучее влияние Его личности и Его учения.

— Невозможно отрицать глубокую связь христианства с положительными изменениями различных сторон существования человеческого общества. Это касается и социально-экономических и гражданственно-политических процессов, которые при всех частных колебаниях всё-таки обнаруживают ясно выраженное стремление человечества к устройению мира на началах гуманности, справедливости и мира. Эту связь христианства с положительными моментами переустройства мира отмечает даже столь далёкий от христианства мыслитель-материалист, как Карл Маркс. "Политическая демократия, - пишет он, - является христианской, поскольку в ней человек, - не человек вообще, но каждый человек, - считается суверенным, высшим существом, притом человек в своём некультивированном, не социальном виде, в случайной форме существования, человек, как он есть в жизни..."

— "...На чьей стороне должны быть христиане - служители мира и правды, призванные помогать созиданию мира, построенного на более совершенных этических началах и содействовать претворению этого мира в вечное и всеобъемлющее Царство Божие? Православной Церкви не было свойственно вовлекаться в глубины политической жизни народов, но в условиях современной действительности, перед лицом неправославного и нехристианского мира Церковь не может уклоняться от выбора в борьбе за достойные человека условия существования. Конечно, она должна быть на стороне прогресса, справедливости, свободы и мира.

— Служение умиротворению, охрана окружающей среды, установление справедливых отношений в обществе должны быть поняты как дело Церкви, выражающее само её существо и выходящее далеко за пределы нынешнего дня и осязаемого пространства тварного космоса..." Ну, и так далее.

В целом же сочинение показалось мне не очень интересным, напыщенным, а во многих местах просто непонятным.

Но главный свой подарок Димуля вручил мне ещё в первый вечер моего приезда: "Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа", изданный на русском языке в Брюсселе (издательство "Жизнь с Богом") и содержащий 760 страниц в четвертушку стандартного листа писчей бумаги, напечатанных очень мелким, но чётким и легко читаемым шрифтом. Издание содержит собственно Новый Завет, то есть четыре Евангелия, Деяния и Послания Святых Апостолов и Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис), а также "Краткий толкователь к Новому Завету" и очерк "Святая Земля во времена Господа нашего Иисуса Христа" с описанием географического и политического положения Палестины, религиозно-нравственного состояния народа, сведений о Библейской археологии (как

дошёл до нас текст Нового Завета). Книжка редкая и дорогая. В Советском Союзе Евангелие издавалось Московской Патриархией всего один раз за всё время после революции (в 1956 году) в ограниченном количестве. Текст этого издания и был перепечатан в Брюсселе.

___С билетами мне повезло, и в аэропорту долго торчать не пришлось, я улетел в Калининград. В самолёте я листал Евангелие и вспоминал свои последние впечатления. Я чувствовал, что прикоснулся не просто к чему-то новому и интересному, но и важному, быть может, очень важному для меня.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)